

Женитьба через Интернет

Когда у человечества появился Интернет, то человечество сразу же разделилось на два лагеря. Один лагерь стал мучиться вопросом: „Как без этого жить?“, а второй – „Что это такое?“.

Мы сразу отнесли к первому лагерю. Ибо мы, будучи евреями, знаем, что там, где возникает что-то непонятное и эфемерное, там кроется большая польза и большие деньги. Таинственная всемирная паутина предполагает всемирных пауков. Мгновенные межконтинентальные связи, а также невидимые электроны, как бы бегущие от одного к другому, а на самом деле стоящие на месте – согласитесь, всё это очень по-еврейски. Я вам сразу скажу, что объяснить вам физическую суть Интернета, компьютера, и прочих компонентов – это я не в состоянии. Для меня Интернет, это когда ты нажимаешь в своём компьютере голубой шарик, и тогда начинает что-то урчать под столом. Вот это вот самое, когда урчит под столом, – это и есть самый что ни на есть Интернет. Проницательный читатель сразу возразит – однако, кошка, понимаете, она ведь тоже урчит под столом? В чём же тогда отличие кошки от Интернета? А в том, дорогие мои друзья, что кошка не имеет еврейского смысла, а Интернет – он имеет глубокий еврейский смысл! Ведь только вдумайтесь: всемирная сеть мгновенного обмена информацией – разве это не по-еврейски?

Для наглядности представим себе одинокого еврея, сидящего в Гондурасе. И ещё одного еврея, сидящего в Гваделупе. Таким образом, мы представили себе сразу двух одиноких евреев (один в Гондурасе и один в Гваделупе), что уже немало. Как известно, представляя себе двух евреев, мы отдаём себе отчёт в том, что у них три мнения. Два из них они держат при себе, а третьим обмениваются и приходят к всеобщему согласию. Спрашивается, как они будут этим мнением обмениваться? Это не так просто, как вам кажется. Скажите мне, ну кто в наше время будет слушать мнение какого-то еврея из какого-то Гондураса? Вы будете? Правильно, и я не буду. А кто, скажите на милость, прислушается к какому-то еврею из, сами понимаете, Гваделупы? Правильно, никто. Никто, кроме них самих. Ибо, если они такие умные, что к ним надо прислушиваться, тогда зачем они сидят, одинокие, в своей, понимаешь, Гондурасе и Гваделупе, в то время как все мы здесь и нам хорошо? Вот для этого им и нужен Интернет. Они себе дружка с дружкой переписываются, и при этом никто их не слышит, и никому они не мешают. А то, понимаешь, возьмём двух других евреев – Маркса и Энгельса. Может, если бы в то время был Интернет, они бы разослали своего призрака веерной рассылкой по всему миру, особенно при их владении немецким языком межнационального общения, и создалась бы доска обмена мнениями. И тогда бы их быстро надумили люди со всего света. И тогда бы, может, и революции-то и не было.

Это лишь один из еврейских смыслов Интернета – вбросить в себя политическую активность разнообразных евреев, а также поглощать и растворять ее на своих сайтах.

(Сайт – специальный термин, использующийся в Интернете и обозначающий место поглощения и растворения избытков политической активности разнообразных евреев).

Однако самый главный и самый всемирно-исторический еврейский смысл Интернета – это, прежде всего, конечно же, женитьба. Представьте себе одинокую Сару Николсон, живущую в далёкой Австралии, и одинокого Дирка Спектора, живущего в не менее далёкой Канаде. Как им найти друг друга и пообщаться по-человечески, дабы познать характеры друг друга? Ведь евреи не могут, не познав характеры. Поэтому многих евреев отличает интенсивная переписка. Письмо – это зеркало внутреннего мира человека. В кафе может всякий пригласить, а ты вот сядь и письмо напиши. Но как сделать, чтобы переписка не растянулась на годы? Ведь письмо идёт пару долгих недель. Ты сидишь, ждёшь, и, наконец, ты получаешь ответ. Дрожащими руками вскрываешь конверт и тут понимаешь, что кто-то просто ошибся адресом – ведь ты уже давно забыл, о чём спрашивал, и более того – вообще забыл, что с кем-то переписываешься. Иное дело Интернет, в котором письмо идёт всего несколько секунд...

Итак, теперь, незаметно для себя, вы уже не относитесь к той части человечества, которая спрашивает: „Что это такое?“. Вы уже спрашиваете себя: „Как без этого жить?“.

Итак, повторим для закрепления важнейшие признаки Интернета:

1. Урчит под столом.
2. Обменивает мнениями евреев всего мира с целью поглощения излишков общественно-политической активности.
3. Знакомит и сближает евреев всего мира в целях женитьбы и создания прочной семьи и брака.

Примечание. Впрочем, есть у Интернета и другие свойства и функции, но они, разумеется, не существенны.

Итак, теперь, когда вы уже достаточно продвинуты, и мы говорим с вами на одном языке, я расскажу вам историю о том, как два человека, живущие в разных частях света, искали счастье, любовь и тепло, и как у них это получилось с помощью Интернета.

Пресловутая Сара Николсон жила в Австралии, а Дирк Спектор жил в Канаде. Оба они были одиноки, и Сара ради тепла и счастья готова была покинуть Австралию, а Дирк, соответственно, Канаду (разумеется, не все из нас его одобряют).

Как раз в то время я находился рядом с Сарой Николсон, в её огромном доме в Перте, Австралия, где она жила одна, если не считать приходящей прислуги, которая иногда оставалась ночевать. Ещё живя в Советском Союзе, я начал переписываться с Сарой – она была подругой одной моей дальней родственницы, и однажды Сара неизвестно почему пригласила меня погостить у неё в Австралии. Так иногда бывало с гражданами СССР в те годы. Занавес только что пал, мы были как инопланетяне и так интересовали Запад, что нас всюду приглашали просто посмотреть, как мы пользуемся вилкой и открываем рот.

В Австралии оказалось, что Сара не замужем, что она скучная и нескладная, и у неё длинное, серое и доброе лицо, и большие лошадиные зубы. При взгляде на таких людей так хочется, чтобы Бог послал им счастья! Мы с ней оба оказались евреями и ситуация получилась, прямо скажем, неловкая. Я с живейшим интересом узнал, что на втором этаже у неё стоит компьютер, и что он подключён к Интернету. Я сразу же бросился туда, чтобы во всём мире немедленно разыскать для неё счастье. Скоро я нашёл нужного мне человека. Он поместил в Интернете себя, свою фотографию, написал, что его зовут Дирк Спектор, что он одинок и ищет счастья.

Я сразу рассказал об этом Саре, она вежливо заинтересовалась, но большого энтузиазма я поначалу в ней не увидел. Поэтому я спросил её разрешения и ответил от её имени сам. Вот что писал Дирк:

– Вообще-то я страшный, как чёрт. И мне кажется, что я состою из одних недостатков. Однако, я не исключаю, что, возможно, я-то как раз и есть чьё-то счастье.

– Здравствуй, мой страшный чёрт, – писал я от имени Сары, – Именно о таком, как ты, я всю жизнь и мечтала.

Такой вот лёгкий стиль мне нравился и я испытал симпатию к этому Дирку. Вообще, ему было свойственно озорство, веселье, жизнерадостность, живость ума. Мне нравилось с ним переписываться, а ему понравился созданный мной образ Сары. Разумеется, моя виртуальная Сара не имела ничего общего с реальной. Сара Николсон была, по сути, унылой малообщительной женщиной, которая открывала рот только для того, чтобы пожаловаться на жизнь или что-нибудь съесть. В моём же представлении её образ заискрился всеми возможными гранями. Я создал такую Сару как нравилась мне, и, если бы она имела что-то общее с прототипом, я, ни минуты не раздумывая, просто женился бы на ней сам, а Дирку бы написал, чтобы он взялся за ум, немедленно прекратил писать любовные письма незнакомым мужчинам и обратился в службу поиска Яхо (американский поисковый сервер – ред.). Однако, моя виртуальная Сара

была сама по себе и не имела ничего общего ни с одной земной женщиной. Она расцветала с каждым днём нашей переписки, и скоро мы пришли к тому, что обменивались письмами уже каждые два часа. Временами мне становилось страшно за Дирка, я понимал, что обманываю его и веду к неизбежному разочарованию. А что будет, если он приедет, увидит реальную Сару и повесится прямо у неё в доме, в спальне для гостей? Этот поезд летел на громадной скорости, и его было уже не остановить. Откуда он вообще взялся, этот поезд?

Наша переписка с Дирком заходила всё дальше и дальше. Она приближалась к интимным недомолвкам. Дирк был настойчив и последователен. Он писал:

– Моя профессия – машины для строительства дорог. Моя специализация – асфальтоукладчики.

Я отвечал:

– Ах, Дирк, асфальтоукладчики – это так романтично! В эту ночь я совсем не спала. У нас ремонтировали дорогу, под моим окном шумел асфальтоукладчик, и я всю ночь думала о тебе...

Я просто не знал, что мне делать. Я убеждён, что в Интернете, как и в жизни, люди делятся на гетеровиртуальных и гомовиртуальных. Так вот, с одной стороны, в силу моей гетеровиртуальности, мне было неприятно служить его виртуальной мишенью. С другой стороны, мне было неприятно, что моя виртуальная Сара служит объектом грубых воцелений этого, понимаешь, мужлана, руки которого пропахли асфальтом и мазутом.

Иногда, для вежливости, я зачитывал Саре письма Дирка и зачитывал что я отвечаю ему от её имени, но, похоже, это её совершенно не интересовало.

Однажды Дирк написал, что я (Сара, а не я. Или же наоборот – я, а не Сара.) вызываю в нём большую симпатию и он хотел бы немедленно прилететь ко мне в Австралию.

Я разволновался. Если Дирк прилетит, он сразу же увидит, что имеющаяся в наличии Сара никак не могла писать ему таких писем. Он поймёт, что зря выбросил деньги на билет и потратил своё время – его просто обманули.

Я вышел к Саре и спросил, не хочет ли она пригласить Дирка к себе, так как он заинтересовался Сарой и хочет к ней приехать. Сара безразлично сказала, что она готова принять его у себя дома и посмотреть что это за человек.

Я вернулся к компьютеру и написал Дирку, что я (Сара, а не я!) буду рада принять его у себя дома.

Уже через час Дирк ответил, что заказал билет и завтра вылетает.

На что только ни готовы люди в поисках счастья! Вот, летят в далёкую Австралию, где их ждёт неизвестно что. А счастье у него, должно быть, ждёт где-то рядом, под боком! Единственное, что мне оставалось делать в такой ситуации, это поспешно скрыться самому. Меня совсем не привлекали конфликты с асфальтоукладчиками.

Я объявил Саре, что мне необходимо уехать ненадолго в Сидней и поблагодарил её за гостеприимство.

Утром того дня, когда Сара должна была ехать в аэропорт встречать Дирка, я уехал в Сидней и поселился в гостинице. Прожив неделю, я позвонил Саре и спросил как дела. По её словам, она была на гребне счастья, и горячо поблагодарила меня за Дирка. Я порадовался её счастью, и, так как счёт в моей гостинице за эту неделю приблизился к пятистам австралийских фунтов, я поинтересовался когда Дирк уезжает. Сара сказала, что пока не собирается.

Я воспринял это легко, так как понимал, что слышу только одну сторону этого дуэта. Если Сара находится на гребне счастья, это не значит, что Дирк находится там же. Возможно, пока Сара вдохновенно жарит внизу котлеты, Дирк в это время интенсивно пакует у себя наверху свои чемоданы, или даже уже сигает в окно.

Через неделю, когда мой счет в гостинице составлял уже тысячу фунтов, то есть сумму, по моим понятиям, просто непомерную (если ею нужно оплатить чье-то счастье), я снова позвонил Саре.

– Ну что? – спросил я, – Он ещё не собирается уезжать?

– Нет, – сказала она.

Её голос был полон счастья.

– Чёрт побери, – подумал я, и сказал, – А я уже закончил свои дела.

– Так приезжайте скорее! – сказала Сара.

– Боюсь вам помешать.

– Что вы, вы нам нисколько не мешаете! Мы вас очень ждём!

Я посмотрел на часы. Было без пятнадцати двенадцать. За эти пятнадцать минут я собрался, расплатился и выехал из номера.

Из вестибюля гостиницы я позвонил Саре и сообщил, что еду.

– Вот и прекрасно, – сказала Сара, – Дирк постоянно о вас спрашивает.

– Да? – я насторожился.

– Ну, конечно! Ведь вы тот человек, который нас познакомил!

Последние её фразы меня крайне насторожили. Только сейчас я понял, почему Дирк до сих пор не собирает чемоданы и не сигает в окно, пока Сара внизу жарит котлеты. Он, сидя в сумраке у себя наверху, злобно и мрачно точит топор. Скрежеща зубами и железом, он ждёт, когда я приеду, и клянётся себе, что вытерпит все посланные ему муки и не уедет, пока не изрубит меня на куски самым криминальным образом.

На одной чаше весов, таким образом, был топор Дирка, а на другой – растущий счёт за гостиницу. И мне ничего не оставалось, как выбрать топор.

И вот, я приехал в Перт и стучу в двери знакомого дома. Странная гнетущая тишина. Наконец, мне открывает Сара.

– А вот и вы!

Сару не узнать – расцвела и похорошела! Я вхожу в дом, озираюсь по сторонам.

– Пойдёмте, я познакомлю вас с Дирком.

Мы идём на кухню, и вот я встречаюсь с Дирком. Дирк – это такой вполне доброжелательный асфальтоукладчик, внушительных размеров, поднимается из-за стола, смотрит на меня с нежностью и представляется:

– Дирк.

Мы садимся и начинаем разговаривать. О том, о сём, я смотрю на него и думаю – они ведь нашли друг друга. Словно подслушав мои мысли, Дирк говорит:

– Мы с Сарой нашли друг друга. И всё благодаря вам.

Я скромно улыбаюсь.

– Вообще, это удивительная история. Я уже признался Саре – письма ей на самом деле писал не я. Я совершенно не умею писать письма. Да и разговаривать я толком не умею. У меня есть старая подруга, она печалится по поводу моего одиночества. Она и писала.

– Впрочем, Дирк умеет многое другое, – смеясь, сказала Сара, и я подумал о тысяче фунтов, выброшенных на ветер.

– Ну что ж, я просто очень рад, что всё так хорошо получилось, – весело сказал я, пытаюсь скрыть раздражение.

Выходит, эта красавица с лошадиными зубами и этот асфальтоукладчик нашли друг друга за мой счёт, ради их счастья я выкинул тысячу фунтов, и они теперь радуются своему счастью, а я зубами клацаю. Впрочем, я им всем желаю счастья. Но всё же, какого чёрта я должен лишиться своей тысячи фунтов? Какие же мы, русские, идиоты!

Уезжая домой, я попрощался с Сарой и Дирком.

– Вы мне дайте-то хоть телефончик этой дамы, которая вам письма писала, – сказал я Дирку, – Она хоть одинока?

– Да-да, она очень одинока, – сказал Дирк, записывая её телефон и подавая мне. – Вы знаете, а ведь вы очень близки с ней по духу! Вам следует познакомиться!

– Вы считаете? – саркастически спросил я.

– Да.

– Что ж, она произвела не меня очень приятное впечатление.

- Ещё бы! Она вообще у меня конфетка! – засмеялся Дирк.

– Сара, а почему вы не ревнуете её к Дирку? – спросил я.

– Ревную, – сказала Сара и обняла Дирка.

– Ей семьдесят восемь лет, – сказал Дирк и обнял Сару.

– Любви все возрасты покорны, – желчно сказал я и взялся за дверную ручку.

– Вы запомнили, где остановка в сторону аэропорта? – спросила Сара.

– Да, за углом, – сказал я.

– Всё-таки зря вы отказываетесь от того, чтобы мы вас проводили, – сказала Сара.

Взвалив свою сумку на спину, я топал по обочине шоссе в сторону аэропорта. Лил дождь, машины меня обрызгивали одна за другой. Но мне было плевать. „Вот, любовь разорила!“ – думал я. **Эдуард РЕЗНИК.**